

еще одна из книг
Кена Кизи,
что прежде написал

«НАД КУКУШКИНЫМ ГНЕЗДОМ»

и

«ПОРОЮ БЛАЖЬ ВЕЛИКАЯ»

и чьею
Благодатной Милостью!
проделана
нижеследующая работа...

В нашей программе — 5 ЛОТОВ НАРАСХВАТ

С костюмами от гостей — Пола Краснера,
Нила Кэсади, Аллена Гинзберга, Хью Ромни,
а также
предисловием Артура Миллера

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЗБУКА

Милая леди верхом на танцующих пальцах помещена здесь для того, чтобы прельщать вас головокружительными восторгами ослепляющего мира ее создателя, которого зовут

ПОЛ ФОСТЕР, artiste extraordinaire¹.

Путешествуя по следующим страницам, будьте готовы испытать на себе сиренические уловки его кислото-молочных художествований!

---

¹ Великолепный художник (фр.). — Здесь и далее прим. переводчика.

ВВОДНАЯ

Привет. Добро пожаловать на
ГАРАЖНУЮ РАСПРОДАЖУ
КЕНА КИЗИ.

Позвольте представиться: профессор
Кеннет Юстус Барнс, ранее — глава
Навеки-Верной¹ Школы Квасного Па-
триотизма, ныне — Верховный Храни-
тель замечательной коллекции: Про-
казницких Архивов.

Как свидетельствует этот пора-
зительно достоверный фотоснимок,
сделанный во время послеобеденной
рабочей встречи исследователей на
территории Архивного Института,
извлечение сокрытой в Архивах ин-
формации — тяжелая и трудоемкая
затея, сопряженная с ужасной нераз-
берихой.

На этой и других рабочих встре-
чах мы поняли, что всякий практиче-
ски бесценный и блестящий фрагмент

должно изолировать от окружающих
миазмов и предложить пытливому
вниманию любознательной и чрезвы-
чайно пронизательной аудитории.

И Вдохновенный Ум блеснул! Воз-
никла идея Гаражной Распродажи, из-
веданного маневра, что вновь окунет
скопившийся в углах вашего зауряд-
ного домохозяйства ненужный хлам
в экономический поток жизни, какой
мы знаем ее сегодня. С небольшим ко-
личеством отходов.

¹ Навеки верен (*лат.* *Semper fidelis*) — девиз Корпуса морской пехоты США, официально принят
в 1883 г.

Ни на йоту не отступая от наших принципов, мы поделились идеей с экипажем «Викинга», почтенного корабля, что в состоянии отбуксировать наш проект с безмятежных добрососедских улочек в темные аллеи Великой Американской Мегалопической¹ Раскорячки, объяв двумя концами спектра невпечатленные миллионы в Самом Сердце Страны.

«Викинг» ответил коротко и просто: «ВПЕРЕД!» Научное взаимодействие с самого начала великолепно сошло с профессиональным напором. Первичные данные и аналитические отчеты молниями пролетали от берега до берега, скользили по телефонным линиям, проносились в небесах на крыльях Почтовой службы США: детали внешней композиции, конкретные составные части, а также способы явить образующие ГАРАЖНУЮ РАСПРОДАЖУ КЕНА КИЗИ культурные сокровища широкой общественности.

Отчет о ПРОДЕЛЫВАЕМОЙ РАБОТЕ 30.11.71

Все вы видели знаки: «ГАРАЖНАЯ РАСПРОДАЖА — В 50 ЯРДАХ ВПЕРЕДИ». Время от времени добрые люди ощущают потребность расчистить залежи на чердаках, в подвалах, в гаражах — выволочь барахло во двор, отобрать вещи, которые дороги как память или просто дороги, — и выставить на продажу остальное, ту часть, которая была частью вас и которой вы теперь желаете поделиться с другими. Вы избавляетесь от нее неохотно, лелея надежду на то, что но-

вый собственник отнесется к части вас с заботой и пониманием. Вот так Кизи и проводит свою Гаражную Распродажу.

Сторджис Холливелл, Старший Научный Советник «Викинга» и мой коллега на Восточном побережье, великодушно взял на себя взыскательный труд разрешить сложнейшие уравнения, описывающие взаимодействие массы и энергии в идеальных условиях, дабы добиться в оптимальном итоге реакции, к которой все мы стремились: бесстрашно погрузившись в сердцевину Архивов, отыскать скрытую в самом центре искру и суметь выудить пробу сырьевого материала в надежде сотворить из базового элемента совершенно новую уравновешенную структуру.

Задача, как вы можете заметить, не из легких. Ее даже осмыслить трудно. Осуществить — еще труднее. Адская работа выпила соки из сильнейших, вытянула жилы из здоровейших, но не сломила решимость слабейших. Если коротко — сей труд испытал всех участников на прочность до самых глубин, потрясши столпы их веры.

На этом трудном пути выжило Видение. Прошу вас, взгляните: лысеющий почтенный Мудрец, осмотрительно и бессистемно окружавший себя реликвиями, счастливо блюдет свою старость, восседая в блаженстве среди сокровищ, и вдруг обнаруживает, что осажден разгневанной и непреклонной толпой родных и близких, которые подступают с требованием не только освободиться от рухляди, но и

¹ Мегалопия — нарушение зрения, при котором все окружающие предметы кажутся пропорционально увеличенными в размерах.

нажиться на ее сбыте, да так, чтоб потом составить абсолютно новую лекцию из вещей сугубо фабричного производства.

Для этой цели была сформирована разношерстная команда, о которой рассказывается далее.

27.04.72

В этом кратком отчете речь пойдет о многотрудной десятидневной стоянке в Орегоне, при которой к строительной бригаде БИТа (Бестрепетнотриповый Информационный Треп) присоединился Старший Научный Советник Востока, и мы все вместе продолжили возведение новой структуры — дома для тех, кто лишен крепости. Мы смешали песок со щебнем, добавили цемента и начали заполнять смесью заранее отлитые формы.

Картинка, с вашего позволения, наипасторальнейшая: красный сарай, которому присвоено почетное и ласковое звание дома; курятник, дополняемый двором, в котором тьма-тьмушная — «вас в конторе нашей ждет что вам в голову взбредет!» — разумеется, цыплят, а также пара павлинов и свое нравный индюк; белый гусак глядится в полный форели пруд; на выгоне пасутся свиньи, пони, осел и несколько бычков; есть и масса надворных построек, включая Пространственно-Обогревательный Дом. У трепещущего символа американской гордости покоится весело разрисованный автобус — да-да, он тут, отдыхает молча, даже задумчиво, — символ еще одной гордости. Заходя внутрь, мы видим рвущуюся в бой группу тружеников, готовых решать насущные задачи. Вся бригада в сборе: Кизи, первоисточник

букв; Кати, их передатчик; Баббс, переносчик их на страницу; Фостер, символист и местный трансценденталист; и ваш покорный, Старший Научный Советник. Работа, работа, работа — мелькают дни — мы не покладем рук, не сводя глаз с неба, что грозит орегонским дождем. Слова льются рекой — оседают на бумаге — вырезаются и обтесываются на странице — читаются, чтобы... «постой, тут еще одна гадская опечатка». В то же время — ярьась ястребом и кольшась кашалотом (и много при том кашляя) — Фостер дожидается очередной усмирненной страницы, дабы декорировать ее вычурными изображениями. Бригада ныне работает в крестьянском ритме — изнемогая над проектом первостепенной важности, что потрясет и усладит целое поколение.

Выделенные курсивом части Вводной — отрывки, извлеченные из засекреченного корпоративного рапорта, написанного Сторджисом Холливеллом; молодой клерк (младший брат Сторджиса, Денис) тайно исторг их из упрятанных в сейф записей, ощутив, как отмечает он в сопроводительной записке, что ему как патриоту положено открыть жаждущей публике всю правду. «Она им по зубам...» — написал он.

С этим мнением я, профессор Кеннет Юстус Барнс, Верховный Хранитель, говорящий от имени всего коллектива Архивного Института, искреннейше соглашусь.

Насколько мы преуспели — еще одна из множества историй, составивших эту книгу.

Когда наблюдаемые материалы и данные были тщательно изучены, их преобразовали в исчерпывающе завершённую структуру. Затем во время изнурительного мозгораскидочного марафона Архивисты сформулировали согласованный порядок демонстрации, и немедленно вслед за этим Дуг Саймон, Главный Художник и Графический Эксперт Южного Чикаго (а также Кошмар Коллекционера), поспешил на Запад; он ехал не останавливаясь в «тойоте-ставагон» (соглашения о взаимовыгодной торговле вгрызались в подсознание сквозь виниловые сиденья, ползли вверх по позвоночнику и забирались в продолговатый мозг, ча-ча-ча...), чтобы провести ко всеобщему удовлетворению смертельно срочные переговоры с карандашом, что жал на ловкие линии и загогулины, и кистью, что замахивалась с мягким свистом на легкие тени, и отразить в печатных формах и рисунках важнейшую информацию, которую содержит...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это, само собой, беспорядочная книга, и циникам ничего не стоит разделаться с ней как с очевидной попыткой нажать на дважды публикуемых текстах, а также на сочинениях, забитых подальше в ящики стола. Или же Кизи подставил свою широкую спину друзьям, живым и мертвым, чтобы явить их и себя пред очи публики? Каков бы ни был расчет, вы не в силах отделаться от мысли, что читаете историю; и пусть лучше эту историю вывалят вам на голову, нежели разглядят, логически обоснуют и повяжут сверху бантик. Поскольку, если в пятидесятые и шестидесятые свершилась некая революция, никто ее, разумеется, не планировал и не продумывал, и писатели, что стали рупором ее духа, гнались не за идеологией, но за видением.

Лучше всего оставить критику критикам, что непременно упомянут страницы, заполненные слащавыми сантиментами, неловкий, если угодно, стиль писем, разлапистую самоуверенность Американского Романа. Я же хочу рассказать, о чем все это говорит мне. Я должен, кроме прочего, признать: издание подобной книги требует достоинства и мужества, что в послед-

ней инстанции может перевесить все недостатки.

Однажды в пятидесятые журнал «Лайф» разослал опросник, требовавший отозваться о новой Революции, которая, предположительно, имела место быть. Я отослал свой без ответов и сделал приписку: никакой революции нет. Я был прав и неправ, и эта книга — тому подтверждение. На моей памяти ближе всего к революции мы были зимой 1932 года, когда главные банкиры отправились в Вашингтон и там всерьез обсуждали с министерством финансов свой план, по которому все банки перешли бы под контроль правительства. Вот тогда — да, и еще во дни сидячих забастовок во Флинте, штат Мичиган¹. Я имею в виду не столько сами эти события; среди предпринимателей, да и в народе тогда раздавались голоса, что система агонизирует и что с тотальным бардаком в Соединенных Штатах можно покончить, лишь перейдя к какой-то форме социалистической собственности. В последующие сто дней администрация Рузвельта затопила страну новыми законами, которые спасли капитализм, фактически положив пределы разрешенной бесчестности и ненасыт-

---

¹ Имеются в виду забастовки рабочих завода автомобильных корпусов «Фишер», начавшиеся в конце 1936 г.

ности; выход за эти пределы грозил тюрьмой. Прямые денежные выплаты отчаявшимся людям стали с тех пор государственной политикой.

Революционный момент длился, пожалуй, четыре или пять лет, главным образом, я думаю, потому, что у Верхов сдали нервы и они не имели ни малейшего понятия о том, как справиться с массовой безработицей. При таком раскладе тот, кто поддерживал социализм и ударился в политику, неминуемо шагал в авангарде.

Революция пятидесятых и шестидесятых назрела в условиях экономического бума сразу после того, как Верхние восстановили равновесие, очистив университеты и богему — при помощи маккартизма — от последних людей с социальным (не говоря о социалистическом) мироощущением. Если за авангардом тридцатых и стояла единая концепция, это была концепция людской сплоченности, а лозунг пятидесятых был — одиночество. В тридцатые радикалы любого толка видели, что американскую систему необходимо смягчить; молодежь пятидесятых была лишена такого удовольствия, и когда пришел мятеж, он стал неминуемо личным, а не политическим, поскольку американская политика функционировала исправно и вернула себе былую силу.

Однако если эта революция и не стала классической — власть не перешла от одного класса к другому, — она граничила с революционным процессом, ибо переворачивала вверх дном точку зрения людей на то, чем человек является и чем он может стать. Более того, современная революция заявила о новой необходимости считаться (что старались делать и революционеры

тридцатых) с человеческим фактором, со скрытой матрицей, что ведет всех нас. Так что в психологическом смысле между двумя молодыми поколениями наблюдается преемственность. И не только в нем.

Общепринято говорить, что революция тридцатых стала мятежом разума, а нынешняя как была, так и осталась мятежом воли и что они различаются, как рационализм и мистицизм. Тексты в этой книге, особенно «По Ту Сторону Границы», напоминают мне о том, что данная дихотомия неверна.

Разумеется, множество людей, вероятно, даже большинство радикалов тридцатых навели на левацкие мысли пустота в желудке и сведенные на нет шансы зашибить деньгу. Что естественно и оправданно. Так же естественно и оправданно, как мироощущение массы революционеров пятидесятых и шестидесятых, для которых все свелось к возможности трахаться без этикета, ухаживаний и прочей трихомудрии.

Тут я скажу за себя. Когда началась Депрессия, мне было четырнадцать, и я, как и многие другие подростки, о наступлении новой эпохи догадался по отцу. То были ужасные времена для отцов: они перестали быть лидерами, уверенными в себе главами семейств, и превратились в мужчин, которые не понимали, что им делать завтра. Деньги иссякли, и американский индивидуализм велел отцам винить в неудачах лишь самих себя, как раньше велел им ставить себе в заслугу успех. Внезапно преобразились разговоры под фонарем у аптеки на углу: никого не интересовало, собираешься ты быть врачом, юристом, бизнесменом или ученым; все спрашивали, какого черта ты будешь делать, когда в один

ужасный день закончишь школу. Наши соседи накладывали на себя руки. Мы все плыли на горделивом и мощном корабле — и вот посреди океана он сел на мель, распоров брюхо о невидимый риф.

Кажется, что рассказывать о том, как жилось в те годы, легко; я пробовал несколько раз, но передать толком ощущение загадочной подводной опасности мне не удавалось никогда. А причина в том, что катастрофа таких масштабов непередаваема, ее не обрисуешь простыми фактами, ибо не только факты давили на меня, не простое понимание того, что изменилась психология родных и близких, но испытываемое мной — и другими — чувство, что мы захвачены тайной духовного свойства, куда более глубокой и всеобъемлющей, нежели экономический кризис. Я вижу Депрессию как пылающее солнце, что никогда не заходит; подвешенное в небе, оно жжет изумленных, опаленных людей, пыль висит над дорогами, мебелью, кухонным столом. Дело было не просто в том, что множество шишек, лидеров, августейших персонажей оказались на поверку пустобрехами либо обычными жуликами вроде главы биржи, который отправился за решетку. Все, во что ты верил, обернулось ничем, и целое поколение взрослых людей оказалось в дураках.

Так я отправился в синагогу. Да-да, местную ортодоксальную синагогу. В ее уродливом здании трое мужчин играли в пинокль; сидели в коридоре при входе и шлепали картами. Я взял стул и подсел к ним. Не осознавая, чего я, собственно, хочу. Я читал на иврите, но из того, что проговаривал, не понимал почти ничего. Я вошел внутрь,

взглянул на биму, на закрытые дверцы, за которыми стояли свитки Торы. Нечто должно было говорить со мной — но я не слышал ни слова. И ушел домой и потом приходил в синагогу несколько раз, но солнце все так же стояло в небесах, и никто мне ничего не говорил. Я даже стал петь в маленьком хоре, но со мной по-прежнему ничего не случилось, ничто внутри меня не сдвинулось с места.

Неявная угроза безработицы — в том, что ты навсегда останешься ребенком. Мне повезло, я получил работу и за четыре доллара в неделю каждое утро с четырех до семи развозил на велосипеде булочки и хлеб. Замерзающие кошки преследовали меня от дома к дому и орала от боли, стремясь к теплу моего тела. Летние рассветы ласково касались спящих односемейных домов, но мой мир был отравлен страхом перед близящимся окончанием школы. Мужчины не были нужны никому, а объявления о найме в «Нью-Йорк таймс» снабжались, как и раньше, приписками «нееврей» или «белый», и все равно этих объявлений никогда не бывало больше дюжины. Мужчина, не говоря о мальчике, не стоил ничего; пробиться куда-либо было попросту невозможно.

Как-то раз на ветреном углу улицы, где я ожидал своей очереди побросать мяч о кирпичную стену дома измученного аптекаря, один парень, уже поступивший в колледж, заговорил о капитализме. Я никогда не слышал про капитализм. Я не знал, что мы живем в какой-то системе. Я думал — так было всегда. Он сказал, что мировая история (что за история?) — это история борьбы классов (каких таких классов?). Он говорил невнятно, но чер-

товски здорово играл в мяч, и я его уважал. Он был уникалом, твердил одно и то же всякий раз, когда мы встречались. Он вываливал на меня груды слов, но ни одно не прилипло; меня все это, видимо, не интересовало. Я хотел знать, пусть и не понимал этого, лишь одно — как восстановить семью. Как мне ее прокормить. Как вернуть легкость. Как сделать так, чтобы отец снова стал главным, чтобы он не приходил домой ночью усталый и виноватый. Думаю, я хотел, чтобы что-то сдвинулось.

Однажды, когда мы стояли на пляже Кони-Айленда, этот парень сумел до меня достучаться. В те времена семьи жили под дощатым настилом в хибарах из железного лома или вагонки, и мы вдыхали запахи испражнений и обедов, мешавшиеся под солнцем. Внезапно я понял, о чем он толкует. Он сказал: «Ты — часть деклассированной буржуазии». И жизнь ускорила, как ни безумно это звучит. Потому что:

Мой отец перестал быть виновным. Не его постигла неудача, нет; все мы были частью predetermined истории драмы, в которой средний класс постепенно беднел, а высший — обогащался и средний класс объединялся с рабочими ради создания социалистической экономики. Воистину, я познал то, чего не дала мне синагога, — облагораживающий вид сверху. Вновь можно было думать, что люди что-то значат, что в отчаянии и истерии матерей есть скрытый смысл, что отцы однажды снова гордо займут свое ме-

сто. Жизнь вдруг обрела непознаваемую цель; нужно было разнести эту весть, пробудить сознание. А дальше?

Придет день, и конфликт будет исчерпан. Вещи потеряют свою ценность, ими будут снабжать нас машины. Мы все будем жить примерно как люди в парке по воскресеньям: спокойные, улыбчивые, исполненные достоинства. Эра Вещей прошла. Людям осталось только об этом узнать.

Обычно подобный опыт называют материалистической религией, но для меня материализма в нем почти и не было. Я искал не денег и не лучшей работы, я искал — буквально — свое место во вселенной. Марксизм позволял возлюбить весь человеческий род. Пустота дней наполнилась взрослением, а то и невидимой целью — углублением кризиса капитализма, как это называлось, и подготовкой прорыва в новую эру; неумолимым приближением Нирваны.

То была последняя из философий воздержания. Настоящее, данный момент, данный поступок были важны не сами по себе, но лишь с той точки зрения, приближают они или задерживают пришествие новой эпохи. Собой нужно жертвовать — вот суть, потому такое значение имел героизм. Мы жили в Последние Дни, все знаки указывали на Апокалипсис. Самость была анафемой, атавизмом; люди как индивиды были дематериализованы. Один русский, Островский, написал «Оптимистическую трагедию»¹ — это название, по-моему, точно отражает настроение, из которого родилось ми-

---

¹ Артур Миллер ошибается, «Оптимистическая трагедия» (1933) — пьеса Всеволода Вишневского (1900–1951).

роощущение Маркса; наступала радость, хоть трава не расти.

Литературе не удалось отобразить тридцатые адекватно, потому что эмоции, о которых ведется рассказ, сцеплены с явлениями политики и экономики, на самом же деле все, что мы ощущали, вертелось вокруг всеобщего религиозного очищения, вокруг не менее чем полного и безоговорочного обновления человечества. Я полагаю, мистический элемент обычно обходят молчанием потому, что думать, как Маркс, означает презирать все иррациональное. Иррациональным, религиозным, мракобесным виделся капитализм, и Гитлер был его визжащим архангелом. Ты гордился не тем, что ощущал или чувствовал, но тем, могли разложить ситуацию на классовые компоненты. Рассказывали, что брокеры с Уолл-стрит обращались к Эрлу Браудеру¹, главе Коммунистической партии, за экономическими консультациями. Коммунист знал; он узрел Неминуемое.

Обычно говорят, что все устаканилось, когда мы вступили в войну, но я думаю, что пик был пройден, примерно когда заканчивалась Гражданская война в Испании, в 1936 или 1937 году; битву ангелов выиграл злой дух. Неминуемость была потеснена; испанский народ восстал, чтобы взять будущее в свои руки, и был покорен. Затяжное и надежное мироощущение дало трещины, ты снова замечал отдельные детали, а бестолковый мир вокруг тебя со всей очевидностью готов был шагнуть вперед, оставаясь та-

ким же мелочным и пустячным. Правда, ясно осознавал ты, заключалась в том, что девяносто процентов американцев вряд ли понимали, что в Испании идет война, а среди тех, кто это понимал, половина или, может быть, даже больше были за церковь и за фашизм. Пикассо мог написать «Гернику», чтобы мир затрепетал от ужаса, увидев антинародные замыслы фашистов, но Государственный департамент, крупные бизнесмены, религиозные лидеры, Верхи всех мастей странным образом не спешили стыдить Гитлера и Муссолини, парней, стоявших за порядок и закон.

Теперь я смогу объяснить особое ощущение персональной преемственности, возникшее у меня при чтении этой книги, и движение, которое она озвучивает. Ибо в лучшем своем проявлении это движение — рывок к спасению, а не просто всплеск сексуального материализма, каковым оно было объявлено и, по утверждению худших своих противников, является на деле. Сценарий Кизи, как мне кажется, — лучшее тому доказательство. Он отправился в путешествие по собственным артериям, запроваженным наркотиками, уплыл от истории и жвачной политической жизни, швырнул горсть песка в глаза Силы, улегся посередине дороги Прогресса и заорал во всеуслышание: «Нахуй работу!» Но этим он не ограничился, и тут я возьму паузу для объяснения.

Скажем так: у стиля революций тридцатых и шестидесятых есть и общие черты, и отличия. Прежний ради-

---

¹ Эрл Расселл Браудер (1891–1973) — председатель Коммунистической партии США в 1932–1945 гг. В 1946 г. исключен из партии за оппортунизм.

кал перенимал новую — для среднего класса — пролетарскую речь, часто прекращал бриться, надевал рабочие сапоги и клетчатое драповое пальто; его портным был магазин армейской одежды. Он верил черному джазу и не верил аранжированной сентиментальности больших оркестров, он считал Вуди Гатри, Хадди Ледбеттера¹ и фолк-музыку более сообразными, потому что их породил не торговец, но крик боли. Он забывал (или пытался забыть) про тесные рамки семьи и заключал в объятия все человечество; когда его постигал финансовый успех, он задумывался о том, как сохранить свою отчужденность. Когда женился — давал зарок не создавать заново оставленное тяготящее хозяйство с его кастрюлями и сковородками, не жить жизнью Вещей. Он хотел жить без иллюзий, иначе говоря, практически все, что есть в Америке, особенно ее ценности, он считал вывернутыми через жопу. Люди жили в гробу материализма, их забивали до смерти в бессмысленной погоне за ржавчиной. Список общих черт можно продолжать, но нас интересуют отличия.

Некогда укушенный Марксом радикал тридцатых ощущал, что ведет эфемерную жизнь. Он мог приносить в жертву деньги или себя, помогая создавать новый профсоюз; однако, хотя сам профсоюз был важен, эта важность бледнела перед его настоящим, тайным значением: он учил рабочего быть сильным и приближал момент, когда капиталистический класс лишит-

ся власти. Глядя на произведение искусства или друга, радикал измерял их ценность по тому, насколько это искусство и этот друг приближают социализм или отдаляют его. Так его жизнь оборачивалась тропой символов; вначале он использовал их, чтобы определить свое место в истории и обществе, но вскоре символы брали над ним верх и защищали от непосредственной реальности, с которой он некогда искал гармонии и которую тщился разложить по полочкам.

Говоря прямо, он начинал жить для будущего и этим ничем не отличался от буржуазии. Иначе и быть не могло; капитализм и социализм — системы воздержания, обе они зиждутся на станке, между тем вы не можете ухаживать за станком когда вздумается, вы должны работать по часам, даже если вам хочется вместо этого заняться любовью или выпить. Ничто не могло быть иначе еще и потому, что радикалы тридцатых вышли из системы, которая развалилась, и первым делом должны были организовать новые производственные отношения, то есть запустить все заново. У радикалов шестидесятых открылись глаза, они увидели систему, льющую свои помои на каждого или почти на каждого, и в этом заключалась их проблема: как избежать затопления бессмысленным, бесцельным потоком, что загонял каждого индивида на его маленький островок с удобствами.

Вот так шестидесятники решили остановить время — время денег, вре-

---

¹ Вуди Гатри (Вудро Вильсон Гатри, 1912–1967) — американский фолк-музыкант и социалист. Хадди Ледбеттер (Хадди Уильям Ледбеттер, 1885–1949) — американский чернокожий музыкант, игравший блюз и фолк.

мя производства и сопутствующую им будущность. Марксистские родоначальники также видели человека мерой всех вещей, но они хотели вновь поместить его в центр, наделив силой бессильных. Результатом стала Россия, а у нас на родине — зажратые лидеры трейд-юнионов со своими сигарами. Сама по себе Сила оказалась призрачной; если человечество желало вновь обрести человеческое лицо, единственной альтернативой было — порвать помолвку с будущим и, сверх всего, с властью, которую будущее имело над душами людей; так и свершилось бы очищение. Вы живете сейчас, любите сейчас, умираете сейчас. Люди тридцатых, будь то радикалы или буржуа, были равно напуганы и утрачены такой переменой, ибо в глубине души они относились к будущему одинаково, с тем мазохистским самоотречением, что влечет за собой любое существование во имя будущего. Их душевным сбережениям угрожало новое поколение мотовствующих транжир.

Наркота останавливает время. Точнее — время денег, время производства, время общества. В голове сотворяется более-менее привлекательное общество из одного человека, религия с единственным верующим. И биение вашего сердца — часы, и будущее измеряется ожидаемыми трипами или новыми личными открытиями. Кизи однажды открылось, что ЛСД спас Америку; навсегда подорвав будущее, химический препарат открыл сердце и

сознание сегодняшнему дню, той драгоценной жизни, что была обменена на пригоршню праха. Что приводит нас к еще одному значительному отличию между двумя поколениями и к тому, что, по-моему, олицетворяет шутовское паясничанье нового движения.

Радикал тридцатых и представить себе не мог, что мир взорвется на самом деле. Ведь сказал же Клаузевиц¹, и Маркс с ним согласился бы, что война есть продолжение политики, она лишь ведется другими средствами. Мы ненавидели фашизм, но и он был просто политикой, даже когда радикалов и евреев избивали на улицах Берлина и бросали в тюрьму без суда и следствия. Мы были не в состоянии вообразить, что даже фашисты могут сжигать людей в печах. Холокост постулировал нового врага за пределами диалектики и политических дефиниций. Этим врагом был человек.

Унаследованный новым поколением Апокалипсис был уже не той, что прежде, планомерной цепью событий в умирающей системе, но зримыми картинами Хиросимы и Освенцима; авторство этих картин принадлежало в одном случае политикам-парламентариям и цитирующим Упанишады гуманистам вроде Оппенгеймера², которые все как на подбор были свои в доску, а в другом случае — их тираническим врагам. Выходило, что политические различия и принципы не гарантируют ничего. Взамен требовалась человеческая сейчасность, «включение и отпад», по Лири, чтобы темное ша-

¹ Карл фон Клаузевиц (1780–1831) — немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии.

² Имеется в виду фраза отца американской атомной бомбы Роберта Оппенгеймера (1904–1967) «ярче тысячи солнц», которой он описал ядерный взрыв.

манство политического подковырья не пожрало нас со всеми нашими благородными помыслами. Само понятие мышления, осмысления, обобщения — сознания вообще — вылетело в трубу, и многие буржуазные правительства на какое-то время дали задний ход — в плане не идеологии, но прежде всего стиля жизни, который скатился к массовому отказу от воздержания.

Что до меня, то я знал, что у этой революции нет будущего, и не потому, что она отказалась от политических воззрений, а потому, что неверным было ее представление о человеке. Ибо когда твой друг кричит «Брат!», он ничем не лучше своего отца, шептавшего некогда «Товарищ...». Борьба со злом так просто не заканчивается, что показала и судьба марксистов. Скажу больше: с моей колокольни религиозные особенности нового движения не казались полной противоположностью прежним. Маркс, подобно христианам, планировал Судный день на баррикадах, Армагеддон, по окончании которого последний станет первым, после чего не только социализм закончится, но и само государство постепенно прейдет, уступив место истинному Царствию без противоречий, исчезнут деньги, образуется чрезмерный излишек товаров. Если вам нужна машина, возьмите ее — и оставьте,

когда необходимость в ней отпадет. Эдакий небесный «Хёрц»¹. Хотя о новом фатализме Иисус с Марксом говорили бы в последнюю очередь, именно к фатализму большинство свело их строгие и призывающие к действию увещания; к тому же фатализму, думал я, львиная доля путешественников в Эру Водолея свела суровую дисциплину йоги, которая развила новое мироощущение. Вы решаете, что настроились на Судьбу, и тут же превращаетесь в Спасительный Остаток², для которого сама реальность есть не более чем эволюция символических событий; в конце концов вы не будете уже ничем, кроме того-кто-знает-как-надо, и ваши деяния потому нельзя судить судом человеков, и так далее. Несмотря на все различия, Мэнсон³, Сталин и христиане, блюдущие давнюю крестоносную традицию, в данном случае пляшут, взявшись за руки. Как часто я слышал удивление в головах тех, кто пережил тридцатые: они могли говорить то, что говорили, верить в то, во что верили. Они гордились способностью к объективному социальному анализу, но под гордыней жила вера, ощущение причастности к традиции, что ведет к Неминуемому; а исцелить подорванную веру, дабы она расцвела в сознании с прежней силой, так же невозможно, как

---

¹ «Хёрц» — одна из крупнейших общенациональных фирм по прокату автомобилей. Основана в 1918 г. 22-летним предпринимателем Уолтером Джейкобсом, который отремонтировал и сдал в аренду несколько машин «форд Т». В 2020 г. компания обанкротилась.

² Спасительный Остаток (*ивр.* «шеэрит ха-плита») — в иудаизме маленькая группа верующих, которая может спасти всех остальных. Выражение восходит к Книге Бытия, 45:7 («Бог послал меня перед вами, чтобы оставить вас на земле и сохранить вашу жизнь великим избавлением»).

³ Чарли Мэнсон (Чарльз Миллз Мэнсон, 1934–2017) — американский хиппи, вождь коммуны, называвшей себя Семей. После совершенных членами Семей в 1969 г. убийств (в числе жертв была актриса Шерон Тейт) Мэнсона приговорили к пожизненному заключению.